
В. И. ПАНТИН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Глобальный экологический и глобальный экономический кризисы: влияние на развитие России

В 2008–2010 гг. внимание большинства исследователей было приковано к разворачивавшемуся глобальному финансовому и экономическому кризису, который глубоко затронул как развитые, так и развивающиеся страны, принадлежащие к различным регионам и цивилизациям. Действительно, причины и, главное, далеко идущие социально-политические последствия глобального экономического кризиса нуждаются в самом серьезном изучении, поскольку без выяснения этих причин и последствий, необходимого для разработки новой парадигмы развития, кризис и его последствия останутся непреодоленными. Это относится и к России, которая сильнее многих других стран пострадала из-за кризиса, и пострадала во многом именно потому, что проводимая социально-экономическая политика совершенно не соответствует реальным потребностям общества и реальным тенденциям мирового развития. Однако и многие другие, в том числе развитые, страны пока что следуют прежним курсом, который во многих отношениях является тупиковым и при отсутствии новой стратегии развития способен привести к самым разрушительным последствиям.

Следует, однако, учитывать, что современный глобальный финансовый и экономический кризис, начавшийся в 2008 г., на практике тесно переплетается с гораздо более долговременным глобальным экологическим кризисом, который усиливался на протяжении всего XX в. Благодаря бурному экономическому росту стран

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-03-00279а).

БРИК (прежде всего Китая, Индии и Бразилии), во многом ставшему следствием вывоза капитала и переноса производства из европейских стран, Японии и США в страны с более дешевой рабочей силой, ускоренными темпами продолжают уничтожаться «легкие планеты» в Сибири и Южной Америке. Так, индустриализация Бразилии оборачивается массовым уничтожением лесов, во многих районах Восточной Сибири и на Дальнем Востоке леса вырубаются подчистую, а древесина контрабандным путем в огромных количествах вывозится в Китай. Аналогично обстоит дело с рубкой лесов в Южной и Юго-Восточной Азии, а также в других регионах. В Европе, например в Греции и Испании, леса специально поджигаются ради захвата земель, остающихся после лесных пожаров. Аналогичные процессы происходят и в США, например в Калифорнии. При этом наблюдается своего рода положительная связь, усиливающая климатические и другие природные колебания и сдвиги: глобальное потепление ведет к учащению лесных пожаров и к ускоренному уничтожению лесов, а уничтожение лесов ведет к более резким колебаниям климата и усиливает глобальное потепление, поскольку оставшиеся леса не успевают поглотить образующиеся парниковые газы, прежде всего углекислый газ. Отчасти аналогичное влияние оказывает и загрязнение мирового океана нефтяными отходами. В свою очередь, это ведет к возрастающей неустойчивости природных условий, к резким перепадам температуры, к засухам в одних районах и наводнениям в других, к заметному учащению стихийных бедствий, к ухудшению качества атмосферы и связанному с этим распространению заболеваний дыхательных путей. В частности, бурное экономическое развитие Китая, которое благодаря численности его населения и масштабной экономической экспансии имеет не локальное, а глобальное значение, сопровождается сильным загрязнением атмосферы и питьевой воды. Это загрязнение уже оказывает непосредственное влияние на экологическую ситуацию в целом ряде стран, в том числе в соседних с Китаем районах России.

Кроме того, быстрое уничтожение лесов в сочетании с глобальными климатическими изменениями приводит к обмелению рек, опустыниванию, растущему дефициту пресной воды. По про-

гнозам Института водных проблем, около 2025–2030 гг. почти половина населения Земли окажется в условиях, когда пресной воды не будет хватать для элементарных потребностей (Данилов-Данильян 2008: 45). Уже сейчас в условиях хронического дефицита пресной воды живут 1,1 млрд человек; нехватку пресной воды испытывает ряд районов Африки, страны Ближнего Востока, Центральной Азии. В недалеком будущем, несмотря на наличие крупных рек, дефицит воды начнут испытывать две самые населенные страны – Китай и Индия. Важно подчеркнуть, что мировой финансовый и экономический кризис дополнительно ухудшает экологическую ситуацию в мире, поскольку в условиях нехватки денежных средств у многих государств расходы на экологию, защиту природы и профилактику техногенных катастроф неизбежно сокращаются, а аварии и техногенные катастрофы, напротив, учащаются и становятся более масштабными. При этом речь идет не только о развивающихся, но и о развитых странах. Примерами могут служить авария с нефтяной платформой в Мексиканском заливе, способствовавшая загрязнению побережья США, или частые аварии химических предприятий в Китае, который по многим показателям уже не может считаться развивающейся страной. В итоге темпы деградации биосферы резко ускоряются, причем сами масштабы этой деградации делают изменения необратимыми.

Между тем глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. выявил то обстоятельство, что новые технологии (новые экологически чистые источники энергии, усовершенствованные информационные технологии, нано- и биотехнологии, производство новых материалов и др.) внедряются чрезвычайно медленно и функционируют недостаточно эффективно. Выделяемые многими государствами крупные финансовые средства идут не на поддержку реального производства, в том числе венчурных фирм, внедряющих новые технологии, а на крупные спекуляции в финансовой сфере, на очередные финансовые «пузыри». Одна из причин этого – колоссальный отрыв финансовой сферы от реального производства и сосредоточение ведущей мировой державы – США – на производстве новых финансовых инструментов, являющихся орудием массовых финансовых спекуляций, вместо создания новых, необходимых

миру технологий. В настоящее время, по словам президента Б. Обамы, США превратились из мирового лидера промышленного производства в мирового лидера по производству различных финансовых инструментов. Иными словами, колоссальный научный и технологический потенциал, накопленный Соединенными Штатами, расходуется главным образом на все более изощренные финансовые спекуляции американских банков, а также на создание все более разрушительных видов оружия. Это приводит к постепенному обострению социальной и политической ситуации внутри самих США, к расколу внутри правящей элиты и внутри общества, к падению уровня жизни и роли среднего класса (Турчин 2010: 10–20). Другие государства – страны ЕС, Япония, Китай, Россия – не располагают столь мощным, как США, потенциалом инновационного технологического развития, и мировая экономика в значительной мере топчется на месте. Во многом именно с таким положением дел в мире связан нынешний глобальный финансовый и экономический кризис, который, скорее всего, будет сопровождаться длительной депрессией, сопоставимой по своим социальным и геополитическим последствиям с Великой депрессией 1930-х гг.

Россия, потерявшая значительную долю своего технологического потенциала в результате хищнического разрушения системы образования, научно-исследовательских институтов, инженерных кадров, наличия огромных преград в виде коррупции и рэкета на пути развития малых и средних предприятий в высокотехнологичных отраслях, а также из-за массового отъезда высококвалифицированных специалистов за рубеж, находится в чрезвычайно сложном положении. Это положение, однако, вполне устраивает правящую элиту, поскольку оно позволяет ей обогащаться за счет эксплуатации природных ресурсов. В то же время сама эта эксплуатация ведет к разрушительным последствиям в виде участвовавших техногенных и природных катастроф. Очевидно также, что правящая элита пока что не хочет и не может добиться смягчения последствий кризиса, начавшегося в 2008 г., а также противодействовать новым кризисам. И тем не менее можно полагать, что Россия, продолжающая переживать очередное «смутное время», рано или поздно сможет его пережить. Вопрос в том, ценой каких издержек и жертв?

Кондратьевские циклы и перспективы мирового развития

В связи с этим возникает вопрос: как долго будет длиться нынешняя кризисная эпоха и каким образом будет осуществлен выход из нее? Для ответа на первый вопрос целесообразно обратиться к циклам Н. Д. Кондратьева (Кондратьев 1989; Mandel 1980; Modelski, Thompson 1996) и сопоставить между собой понижательные волны этих циклов, во время которых происходят глубокие мировые кризисы и депрессии, подобные нынешним. Следует заметить, что циклы Кондратьева (в англоязычной литературе их называют «длинными волнами»), в отличие от многих других колебаний экономического и политического развития, статистически достоверны и количественно охарактеризованы (см., например: Long Waves 1984; Акаев, Садовничий 2010). Кондратьевский цикл состоит из повышательной и понижательной волн. Во время повышательной волны, которая длится обычно около 25 лет, наблюдаются ускоренный рост мировой рыночной экономики, быстрое распространение новых технологий, войны, политические перевороты и революции. Во время понижательной волны, которая сменяет повышательную, преобладают экономические кризисы и депрессии, а прежние технологии теряют свою эффективность, что создает условия для формирования и внедрения новых технологий. Несмотря на огромное число работ, посвященных кондратьевским циклам, их природа и механизмы до сих пор изучены недостаточно; в связи с этим необходимы дальнейшие исследования структуры циклов Кондратьева и их роли в мировом социально-экономическом развитии.

В этом плане весьма плодотворными являются сопоставление и сравнительный анализ понижательных волн последовательно сменяющихся друг друга кондратьевских циклов; оно, в частности, уже позволило предсказать мировые экономические кризисы 2000–2002 гг. и 2008–2010 гг. за несколько лет до их наступления (Пантин 1996; Пантин, Лапкин 2006). Такое сопоставление дает также возможность прогнозировать и новые кризисы, которые, вероятнее всего, наступят примерно в 2012–2014 гг. и в 2017–2019 гг. (см. табл.).

Таблица

**Сопоставление понижательных волн циклов
Н. Д. Кондратьева**

I цикл: 1813(1815)–1825 (кризис) – 1837 (кризис) – 1849(1851) (кризис)
II цикл: 1873(1874)–1882 (кризис) – 1890 (кризис) – 1897(1899) (кризис)
III цикл: 1920(1921)–1929 (кризис) – 1937 (кризис) – 1945(1946) (кризис)
IV цикл: 1969(1970)–1974 (кризис) – 1978 (кризис) – 1980(1982) (кризис)
V цикл: 2003(2005)–2008 (кризис) – 2013 (кризис) – 2017(2019) (кризис)

Приведенные данные, основанные на общепринятой (за исключением последнего, пятого цикла) датировке понижательных волн кондратьевских циклов и соответствующих экономических кризисов, указывают на вполне определенную структуру этих волн. Каждая из рассмотренных волн независимо от ее общей продолжительности четко делится на три практически равные между собой части, причем в конце каждой трети наблюдается достаточно глубокий экономический кризис. Иными словами, прослеживаются три этапа развития кризисных явлений в мировой экономике и политике, в ходе которых происходят важные социальные, институциональные и ментальные сдвиги, формируются условия для нового длительного экономического подъема. На первом этапе возникают глубокие кризисные явления, обусловленные исчерпанием доминировавших прежде технологий, а также связанных с ними социальных институтов; этот этап завершается глубоким мировым кризисом вроде кризиса 1825, 1929 или 2008 г. На втором этапе нестабильность социально-экономического и политического развития усиливается, наступает депрессия; это происходит из-за того, что с наступившим кризисом продолжают бороться прежними, уже не эффективными методами. Наконец, на третьем этапе после очередного кризиса происходят крупные геополитические и социальные

сдвиги, иногда в виде масштабных войн или революций, которые ломают прежние общественные структуры и ментальные установки, создавая тем самым условия для бурного развития новых технологий. После этого начинается повышательная волна кондратьевского цикла продолжительностью около 25 лет (время активной деятельности одного поколения в истории), в ходе которого наблюдается ускоренный экономический рост с относительно короткими и неглубокими кризисами.

Приведенная таблица также указывает на заметное сокращение длительности понижательных (кризисных) волн, а значит, и на сокращение циклов (витков) технологического и социально-экономического развития, связанное с общим увеличением его темпов. Как показывает исторический анализ (Пантин 1996), первый кондратьевский цикл (цикл технологических, социальных и политических изменений) продолжался около 60 лет – с конца 1780-х гг. до конца 1840-х гг. В результате этого цикла возник первый технологический уклад (ТУ), основанный на водяном и паровом двигателе, а также хлопчатобумажной промышленности. Второй кондратьевский цикл, в ходе которого возник второй ТУ, основанный на железнодорожном строительстве, черной металлургии и паростроении, продолжался около 50 лет – с конца 1840-х гг. до конца 1890-х гг. Третий кондратьевский цикл, в ходе которого возник третий ТУ, основанный на электродвигателе, электротехническом и тяжелом машиностроении, неорганической химии, длился около 45 лет – с конца 1890-х гг. до середины 1940-х гг. Четвертый кондратьевский цикл, связанный с развитием четвертого ТУ, основанного на автомобилестроении, тракторостроении, цветной металлургии, переработке нефти, органической химии, длился около 40 лет – с середины 1940-х до середины 1980-х гг. Наконец, пятый кондратьевский цикл, связанный с развитием пятого ТУ, основанного на микроэлектронике, производстве и использовании персональных компьютеров, телекоммуникациях, будет длиться около 35 лет – с середины 1980-х гг. до начала 2020-х гг. (Глазьев 1993). Шестой кондратьевский цикл и развитие шестого ТУ, основанного на экологически чистых источниках энергии, био- и нанотехнологиях, производстве новых материалов, а также на усовершенствовании

ванных, продвинутых информационных технологиях и робототехнике, вероятнее всего, будет длиться еще меньше, около 25–30 лет – с начала 2020-х гг. до начала 2050-х гг. Отсюда общее сокращение кондратьевского цикла составляет 2–2,5 раза – с 60 лет до 25–30 лет, а значит, и темпы технологического и социально-экономического развития по сравнению с первой половиной XIX в. в первой половине XXI в. также возрастут примерно в 2–2,5 раза, приближаясь к физиологически допустимым для человека темпам адаптации к новым условиям.

Таким образом, выход мировой рыночной экономики из эпохи кризисов и депрессий, скорее всего, произойдет после 2020 г. и будет связан с расширенным воспроизводством нового, шестого технологического уклада, основой которого, по-видимому, станут усовершенствованные информационные технологии и робототехника, экологически более чистые источники энергии, био- и нанотехнологии, новые материалы. Очевидно, что широкое распространение этих новейших технологий потребует существенного изменения многих социальных, политических и экономических институтов, в том числе международных. Так, весьма вероятно изменение структуры и состава участников Совета Безопасности ООН, МВФ, Всемирного банка и других организаций, призванных осуществлять глобальное управление. Кроме того, необходимо учитывать, что в ближайшие десятилетия будет продолжаться перенос центра тяжести мировой экономики и политики с Запада на Восток. Уже сейчас страны Юго-Восточной Азии вместе с Китаем и Индией производят около половины мирового ВВП. В этих условиях Соединенным Штатам, несмотря на сохраняющееся технологическое и военное превосходство, будет все труднее диктовать свою волю другим странам. Перспективы развития Европейского союза, объединяющего страны с различным уровнем жизни и различным экономическим и научно-техническим потенциалом, также выглядят не слишком радужно. Однако и Китай, Индия, а также другие страны Южной и Юго-Восточной Азии вряд ли избегнут внутренних социальных потрясений. Все это, вместе взятое, через период некоторого хаоса может привести к постепенному становлению нового мирового порядка и новой глобальной системы

управления. Однако для этого необходимо изменение самой модели глобализации, которая бы учитывала взаимодействие разных цивилизаций и разных региональных экономических союзов.

Еще один важный для социоестественной истории вопрос заключается в том, какими будут социальные и экологические последствия дальнейшего (послекризисного) технологического и социально-экономического развития. Этот вопрос является чрезвычайно важным, поскольку отмеченное выше значительное ускорение технологического и социально-экономического развития уже в сравнительно недалеком будущем может привести к необратимым последствиям и для биосферы, и для человека. По-видимому, в период бурного экономического роста в 2020–2040-х гг. будут исчерпаны не только многие природные ресурсы, но в значительной мере и ресурсы дешевой рабочей силы в Китае, Индии, других странах. Рост населения, несмотря на общее замедление его темпов, может привести к целому ряду локальных социально-экологических кризисов, особенно в Китае, Индии, странах Африки и Юго-Восточной Азии. В результате возникнет необходимость изменения модели глобального развития. Согласно ряду прогнозов, в середине XXI в. произойдет некоторая стабилизация численности населения Земли (см., например: Long-range... 2001: 4; Шишков 2002: 64–79), и это создаст условия для перехода к новой модели социально-экономического развития.

Более того, существуют веские основания для предположения о том, что в середине XXI в. произойдут принципиально важные изменения в самой структуре циклического (волнообразного) технологического и социально-экономического развития, связанные как с исчерпанием возможностей адаптации человека к сверхбыстрым изменениям, значительным ростом числа психических и нервных расстройств, так и с глобальными экологическими проблемами, с исчерпанием природных ресурсов, в частности с упоминавшейся выше нехваткой пресной воды, в условиях которой будет жить почти половина человечества. В середине XXI в. не только возможны, но и весьма вероятны новые масштабные потрясения и кризисы, связанные с глобальным переходом от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, от массового

производства – к более индивидуализированному, от прежней неолиберальной модели глобализации – к другой. В то же время человечество в этот период будет балансировать на грани самоуничтожения из-за резко обострившихся экологических и социальных проблем. Однозначно ответить на вопрос о том, сумеет ли человечество в этих условиях выжить и перейти к более устойчивому развитию, в настоящее время невозможно. Однако иметь в виду ожидающие мировое сообщество угрозы и риски необходимо уже сейчас, чтобы человечество, различные локальные цивилизации, отдельные люди не оказались беспомощными перед лицом этих рисков и угроз и сумели к ним подготовиться.

Альтернативы развития России

Очевидно, что положение России в ближайшие десятилетия будет оставаться весьма сложным благодаря мощному экономическому и политическому давлению на нее с Запада и демографическому давлению с Востока, прежде всего со стороны Китая и стран Центральной Азии. Учитывая отсталость и общую сырьевую ориентацию российской экономики, широко распространенную коррупцию и неэффективность управления, в ближайшее десятилетие можно прогнозировать общее ухудшение социально-экономической ситуации, серьезные социальные потрясения, особенно на Северном Кавказе, в Калининградской области, на Дальнем Востоке. При этом наиболее сложными для России будут периоды предстоящих кризисов (2012–2014 гг. и 2017–2019 гг.), которые наверняка приведут к падению или существенным колебаниям мировых цен на энергоносители и другое сырье. Однако наиболее сложным для России, по-видимому, станет период начала 2020-х гг., когда весь мир перейдет к повышательной волне нового, шестого кондратьевского цикла, которая будет сопровождаться внедрением новейших технологий шестого технологического уклада, а Россия из-за замедленного их освоения и нарастания внутренних конфликтов может оказаться в положении далеко отставшего. Альтернативой такому варианту развития событий могут стать только существенные изменения внутри правящей элиты и переход к новой эконо-

мической политике, отвечающей особенностям российского общества, его менталитета, истории и культуры.

В то же время Россия располагает огромными природными ресурсами в Сибири, для освоения которых, правда, необходимо использование новых, нестандартных технологий (Кульпин 2009). Если этого не будет сделано в течение 10–15 ближайших лет, природные богатства Сибири и Дальнего Востока будут осваивать Китай, США, Япония и другие страны, которые уже с воодушевлением посматривают на природные ресурсы Сибири и пытаются их «интернационализировать». Однако можно заранее быть уверенным, что подобная «интернационализация» ресурсов Сибири в итоге вызовет острейшие противоречия и конфликты между государствами, пытающимися их поделить. Кроме того, она неизбежно приведет к еще более ускоренному уничтожению сибирской тайги и, как следствие, к резкому усилению глобального экологического кризиса. Как ни парадоксально, отсталость России в известной мере способствует замедленному уничтожению одного из «легких планеты» и дает некоторое, хотя и небольшое, время для разработки и внедрения принципиально новых, менее разрушительных технологий, позволяющих осваивать природные ресурсы Сибири без глобальных катастрофических последствий. Однако ситуация в целом является весьма неустойчивой и может радикально измениться в ту или иную сторону уже в ближайшие 10–15 лет.

В связи с этим существуют разные варианты развития России в ближайшие десятилетия. Первый вариант включает «точечное» освоение определенных регионов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера с использованием новых и новейших технологий, не требующих большого количества рабочей силы. В то же время реализация этого варианта требует развития инфраструктуры, в частности прокладки новых дорог, трубопроводов, средств связи. Пока что частный бизнес, в том числе крупные российские корпорации, слабо заинтересован в подобном развитии, поэтому значительная роль неизбежно будет принадлежать государству. Основная опасность, однако, состоит в том, что в условиях кризиса под предлогом нехватки денег и дефицита бюджета важные проекты освоения природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Край-

него Севера могут быть заморожены или отложены на неопределенное время. Для того, чтобы переломить эту неблагоприятную и опасную тенденцию, необходима мобилизация усилий различных групп и слоев общества, которую в условиях современной России может осуществить только государство. Эта мобилизация будет отличаться от той мобилизации, которую осуществляли Петр I и Сталин, модернизируя Россию, прежде всего, новыми, более производительными и интенсивными технологиями и более высокой квалификацией людей, использующих эти технологии. И тем не менее новая модернизация России, если она состоится, неизбежно будет отличаться от модернизации западноевропейских стран или США: отличие будет состоять в том, что государство, включая государственные корпорации, в условиях кризиса будет играть ведущую роль.

Второй вариант предполагает развитие российского общества и российской экономики преимущественно по западному образцу, тесное экономическое взаимодействие с Европейским союзом и политический союз России с США. На первый взгляд такой вариант выглядит предпочтительным, поскольку он дает возможность России освоить западные технологии и западные социальные и политические институты. Однако в условиях глобального финансового и экономического кризиса положение европейских стран и США не является устойчивым, и слишком тесное взаимодействие с ними чревато тем, что западные страны могут утянуть Россию на дно. В отношении стран зоны евро это очевидно, а что касается США, то значительные вложения России в американские ценные бумаги и в доллары являются чрезвычайно рискованными, поскольку в любой момент крупные американские банки и страховые компании могут «крахнуть» в результате финансовых спекуляций и лопания финансовых «пузырей». При этом сами США, скорее всего, выйдут сухими из воды, поскольку они располагают возможностью печатания долларов, обращающихся в качестве мировой резервной валюты, в неограниченных масштабах, но для других стран и прежде всего для России подобные катаклизмы могут оказаться чрезвычайно болезненными, если не смертельными. В связи с этим представляется, что в ближайшие годы для России более эффективной будет политика взаимодействия с западными страна-

ми по наиболее важным вопросам и заимствования у них новых технологий, но без слишком тесного сближения, чреватого превращением России в сырьевой придаток Европы или США. Кроме того, не следует забывать, что в США и европейских странах существуют влиятельные круги, которые мечтают о полном уничтожении России, не считаясь с возможными последствиями такого уничтожения. Важно также учитывать постепенный перенос центра тяжести мирового экономического развития с Запада на Восток, прежде всего в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии.

Наконец, вариант, который можно назвать «инерционным», основан на фактическом «проедании» уже освоенных природных ресурсов, природной ренты и ресурсов рабочей силы. Этот вариант, сопровождающийся постепенной деградацией науки, системы образования, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, возможен в том случае, если в России возобладают интересы паразитического банковского капитала, живущего за счет финансовых спекуляций, а не за счет развития реальной экономики. Подобная опасность вполне реальна для современной России, тем более что российский финансовый капитал тесно связан с международным финансовым капиталом, который уже привел мировую экономику к глобальному кризису и продолжает надувать очередные финансовые «пузыри». Очевидно, что в условиях новых кризисов, которые практически неизбежны, так как не устранены основные причины глубоких кризисных явлений в мировой экономике и социально-политической сфере, сохранение господства финансового капитала обернется для России и других стран целым рядом катастроф. Эти катастрофы в недалеком будущем могут привести к распаду России на множество территорий и государств, воюющих друг с другом или контролируемых криминально-мафиозными структурами. В условиях наличия огромных запасов ядерного и обычного оружия распад России обернется гораздо большими потрясениями и гораздо большими жертвами, чем распад Югославии в 1990-х гг. Более того, можно с уверенностью утверждать, что распад России в итоге обернется катастрофой и для западных стран. И тем не менее на Западе и внутри самой России существуют круги, которые с вожделием мечтают о распаде России, не

понимая, к каким тяжелейшим последствиям этот распад может привести весь мир (см., например: Friedman 2009).

В этих условиях России во что бы то ни стало необходимо преодолеть инерцию движения к пропасти и мобилизовать все оставшиеся силы и ресурсы для ускоренного экономического, социального и культурного развития. При этом очень большую роль могут сыграть учет особенностей российской ментальности (Кульпин и др. 2005), а также как сохранение идентичности отдельных народов, населяющих Россию, прежде всего русских и татар, так и формирование наряду с ней новой российской национально-цивилизационной и гражданской идентичности. Однако главное условие реальной модернизации и выхода из тупика состоит в эффективном давлении на правящую элиту со стороны образованных слоев общества и изменении соотношения сил в правящей элите в пользу модернизаторов-реалистов. Грядущие кризисы, с одной стороны, создадут условия для таких изменений, а с другой – могут привести к неконтролируемым радикальным выступлениям, к «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному». Все будет зависеть от степени зрелости российского общества, от того, сможет ли оно заставить коррумпированную правящую элиту хотя бы частично отказаться от губительного авантюризма, от слепых надежд на псевдолиберальный экономический курс, от преклонения перед «законами свободного рынка», которые совершенно неэффективны в кризисной ситуации. В настоящее время, как свидетельствуют социологические опросы, в российском обществе нарастает неудовлетворенность проводимым экономическим и политическим курсом, постепенно формируется запрос на новую элиту и нового лидера, но при этом остро ощущается отсутствие такой элиты и такого лидера.

Литература

Акаев, А. А., Садовничий, В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики*. М.: ЛКИ/URSS.

Глазьев, С. Ю. 1993. *Теория долгосрочного технико-экономического развития*. М.: ВладДар.

Данилов-Данильян, В. 2008. Вода дороже нефти? *Аргументы и факты* 4.

Кондратьев, Н. Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика.

Кульпин Э. С. 2009. Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски. *Политические исследования* 5: 158–169.

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия.

Пантин, В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории*. Рязань: Аракс.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+.

Турчин, П. 2010. Процессы, влияющие на среднесрочную динамику политической нестабильности в США (2010–2020 гг.). *Экономические стратегии* 5: 10–20.

Шишков, Ю. В. 2002. Демографические перспективы мирового общества. *Размышления о будущем. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир»*. Вып. 7(19). М.: Новый век.

Friedman, G. 2009. *The Next 100 years: A Forecast for the 21st century*. N. Y.; London.

Long-range World Population Projections: Based on the 1988 Revision. UN, 19 September, 2001.

Long Waves in the World Economy. London: F. Pinter, 1984.

Mandel, E. 1980. *Long Waves of Capitalist Development*. Cambridge: Cambridge University Press.

Modelski, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.